

УДК 94(09)

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ИВАНА ТРЕВОГИ

© 2011 г.

Р.В. Кауркин

Нижегородский государственный педагогический университет

rad-kaurkin@mail.ru

Поступила в редакцию 05.10.2011

Рассматриваются утопические проекты Ивана Тревоги по организации академических научных учреждений и системы высших учебных заведений в России, которые он хотел представить императрице Екатерине II. В случае их реализации в российском обществе появилась бы широкая социальная группа в виде ученых.

Ключевые слова: XVIII век, Россия, Иван Тревога, утопические проекты, «Храм Дружества», «храм Знаний», «Ученая область», «область Офир».

Весной 1783 г. в Париже был арестован за кражу молодой человек, который называл себя голкондским принцем Нао Толонда. Как выяснилось во время допросов во Франции, в Бастилии, и в России, в Тайной экспедиции Сената, им оказался малороссиянин Иван Иванович Тревога, который в середине 1782 г. издавал в Санкт-Петербурге журнал «Парнасские ведомости» [1]. Во время ареста у него был изъят архив – письма, рисунки, эскизы, неоконченные литературные произведения, стихотворения и т.д. Наибольший интерес из бумаг И. Тревоги представляют утопические проекты, которые он хотел представить Екатерине II. Следственное дело сохранилось в фондах Российского государственного архива древних актов [2].

В бумагах И. Тревоги фигурируют четыре «храма»: «Натуры», «Дружества», «Знаний» и «Архитектонов». Если первый из них лишь обозначен [2, л. 227], а двум последующим уделено внимание в виде набросков на одном листе [2, л. 227, 284], то последнему посвящено более подробное описание [2, л. 344–349 об.], вероятно в силу того, что эта область знаний была автору более знакома или близка.

Общее количество членов этих «храмов», по мысли автора, не должно было превосходить ста человек. Для управления данными учреждениями определялись «гроссмейстеры». Однако глава «храма Знаний» мог носить титул «аполлона», а «Архитектонова храма» – «архитектонмейстера и принца» [2, л. 345 об.].

Должность главы «храма», по замыслу И. Тревоги, должна была быть пожизненной и влекла за собой приобретение высоких титулов. Полная титулатура «гроссмейстера Архитектонова храма», как следует из третьей главы «Учреждения» об этом «храме», прописывалась сле-

дующим образом: «Он называется от своего общества принсом, и титулуется так. В грамотах [:] Божию милостию мы (имя рек) Архитектонмейстер и Принс Архитектонова храма и проч. и проч. и проч. В письмах [:] Всепресветлейший Князь и Архитектонмейстер. Милостивый [государь]. В адресе [:] Его Сиятельству (имя рек) Архитектонмейстеру и Принсу Архитектонова храма» [2, л. 345 об.].

Практически за весь XVIII в., от времени правления Петра I до 1797 г., в России княжеский титул был дарован лишь единожды в 1707 г. А.Д. Меншикову. Князья имели общий титул «ваша светлость». В отличие от них, и лишь с конца века, наследственные князья именовались «сиятельными» с общим титулом «ваше сиятельство» [3].

В данном сочинении И. Тревоги перед нами предстаёт не простое механическое соединение традиций – русской через «князя» и иностранной через «принца», а претензии автора на введение титула – наиболее приближенного к нецарствующему, но владетельному – через «всепресветлейший» и «сиятельный». Ведь даже А.Д. Меншиков, один из самых титулованных вельмож XVIII в., величался лишь «светлейшим». Примечателен тот факт, что, обращаясь к императрице Екатерине II в черновиках своих посланий, И. Тревога именно так титулует самодержицу всероссийскую – «всепресветлейшая» [2, л. 275, 281]. Исходя из этого, вполне можно предположить, что И. Тревога подразумевал право «архитектонмейстера» не только на пожизненное управление вверенного ему «храма», но и на наследственное его владение (?).

Во всех «храмах» должны были быть учреждены «советы». Для совета «храма знаний» И. Тревога определяет девять членов. При этом

автор поначалу пишет, что данные члены совета «титуются музами», но потом зачёркивает это. В совет «храма Дружества» определялись «гроссмейстер», четыре консула и «несколько других особ прилучающихся в столице». Столицей определялся г. Харьков, в котором и должен был быть учреждён данный «храм».

Более подробную информацию об органах управления «храмом» мы находим в четвёртой главе «Учреждения Архитектонова храма». В ней указаны «Тайный совет» и «Чрезвычайный совет». В состав «Тайного совета» входят «архитектонмейстер» и четыре «особы», избираемые из «профессоров Архитектонова храма» [2, л. 346]. Рассматривая «принцип формирования членов «Тайного совета», И. Тревога изначально обозначил, что «сии особы» должны «переменяться ежегодно чрезвычайным советом и архитектонмейстером». В окончательной же редакции этого пункта «Уложения» читаем: «Сии особы не переменяются никогда, и чрезвычайным советом из оных выбирает Архитектонмейстера» [2, л. 346]. «Тайный совет» ведал всеми делами, «случающимися в Архитектоновом храме»: выпускал инструкции и предписания, подписывал определения, определял награждения, «и вообще всё то делает и предпринимает что бывает полезное и нужное как для благосостояния и тишины, так для прибытка и успеха намерения сего велико Знаменитого общества».

В помощь членам «Тайного совета» по управлению храмом определялись также экононом, обер-секретарь, два секретаря, историограф и шесть писцов. Эконому вменялось в обязанность содержать в чистоте и порядке библиотеку, типографию и весь храм; принимать и отпускать «по письменным повелениям» вещи; «с великою бережностью и старанием» содержать деньги и выдавать жалование «на всех служителей которым как полагается»; посещать всех, «во храме находящихся», и принимать от них всяческие просьбы, а также «надсматривать за их поступками и делами»; и обо всём «представлять в Тайный совет» [2, л. 347]. Не менее хлопотной была и должность «конференц секретаря». Он обязан был в совершенстве владеть русским языком и «другими иностранными», в добропорядке содержать все канцелярские дела, следить за должным ведением журналов «приходящим и отходящим делам», сочинять письма и регламенты или инструкции, вести переписку с корреспондентами и, наконец, «надсматривать [над] всеми своими подчинёнными как доброму... начальнику надлежит». Историографу предписывалось «писать историю обо всех делах Архитектонова храма», быть корректором при типографии, следить за изданием книг [2, л. 347 об.].

Определяет автор и график работы «Тайного совета». «Тайный совет имеет заседания три раза в неделю то есть во вторник, в четверг и в субботу» [2, л. 346]. В отличие от «Тайного совета» «Чрезвычайный совет», в работе которого принимали участие те, кто «желает заседать в нём по билетам», собирался лишь по четвергам. Помимо этого, оба «совета» ежемесячно «первого числа» проводили совместное заседание. На этих заседаниях «выставляются все модели, фасады и планы раскрашенные натурально, кои сняты с какого-нибудь города, села или замка и с проч. дабы Чрезвычайный совет одобрял и ценил всех членов искусства, коим после тот же совет купно с тайным советом предложивает всякому члену ордены, медали или чины» [2, л. 346-346 об.]. Именно умение рисовать, чертить планы, познания в архитектуре и строительстве являлись необходимым условием членства «Архитектонова храма». В данное общество, по мысли автора, должны были приниматься все, «кто имеет от какого-нибудь публичного училища свидетельство о искусстве своём», или та «особа», которая «искусством своим многим людям известна» [2, л. 344]. В доказательство своего профессионализма претендент обязан был представить план и рисунки фасадов какого-нибудь села, небольшого городка или замка. После того как его работа получила одобрение, ему вручался «приемной от Совета билет за подписанием Архитектонмейстера». Каждый новый член «Архитектонова храма» в обязательном порядке представлял свой портрет «величиною в аршин длины и ширины, и описание своя физики... которое будет храниться в законохранительнице» [2, л. 344 об.]¹. В «Храм Дружества» принимался «всякий учёный человек... если только пожелает он» [2, л. 227], а в «храм Знаний» предполагалось допускать «одних только профессоров» [2, л. 284].

Все члены «Архитектонова храма» обязаны были ездить по странам, «куда он пошлётся советом», и снимать подробнейшим образом планы городов, «каждую улицу поставить шириною и длиною как надлежит». Помимо этого они должны были фиксировать все городские постройки, «не упуская самых последних пристроек», зарисовывать фасады зданий «по величинам и мерам», «фасады и планы домов раскрашивать как они в самом деле находятся и означивать земляное, деревянное и каменное строение» [2, л. 345]. В целом данный подход представляется вполне разумным, во-первых, с точки зрения формирования базы данных для развития регулярной, типовой застройки городов России, а во-вторых, эти сведения могли успешно использоваться русскими войсками во

время военных заграничных кампаний. Отчёты о проделанной работе необходимо было присылать в совет не реже одного раза в месяц. В противном случае должно было следовать немедленное исключение из «храма». Лишь «великая отдалённость» и болезнь могли служить достойным прощения оправданием в нарушении графика посылки корреспонденции в столицу. Все расходы по «путешествию по всему свету» возлагались на «кошт общества», т.е. за счёт «Архитектонова храма» [2, л. 345].

Отдельным пунктом в «Уложении» прописаны привилегии членам данного сообщества. Во-первых, «при старости» в случае необходимости он и его семья получали от «Храма» содержание; во-вторых, уплачивались его долги, если они не превышали тысячи рублей; в-третьих, он мог ездить «по всему свету столь сколько желает» с полной оплатой расходов; в-четвёртых, освобождается и защищается от всех наказаний и смертных казней, «если оныя следует не за смертоубийство». Отдельным подпунктом автор выводит следующую примечательную формулу: «весь век их живут со всем своим обществом как родные братья в любви и в союзе, делают друг другу в нужной помощи и снабдении» [2, л. 344 об.].

Пятая глава «Уложения» под заглавием «О доходах и расходах» носит незавершённый характер. Указывая на то, что «доходы бывают двоякие», автор описал лишь «доходы от общества»: «...каждый член при вступлении своём в сообщество повинен положить в храм десять рублей; потом за получение ордена первого класса двадцать пять рублей, второго – пятьдесят, за получение третьего – сто рублей, так как за адъюнкт-профессорской чин пятьдесят рублей, а за профессорской – сто рублей» [2, л. 347 об.]. На этом текст «Уложения» обрывается. Ниже автор приводит лишь оглавление и примерный штат «Архитектонова храма»: «Архитектонмейстер – 1, советников – 4, историограф – 1, эконо́м – 1, конференцсекретарь – 1, секретарей – 2, обсерваторов – 3, писцов – 9, сторожей – 2». Данный состав имеет явные отличия от основного текста «Уложения», что вновь подтверждает незавершённость данного проекта. Далее автор приводит штат типографии («библиографмейстер – 1, наборщиков – 2, гридировщиков – 5, батыщиков – 7, терредорщиков – 7») и штат, вероятнее всего, мастерских по изготовлению моделей (фасадмейстеров – 1, планмейстеров – 1, модельмейстер – 1, инструментмейстер – 1) [2, л. 349 об.]. Типографию И. Тревога планировал учредить и в «Храме Знаний». Помимо неё там необходимо было завести библиотеку и «кунсткамору» [2, л. 284].

Столь финансовоёмкие учреждения не могли, естественно, существовать лишь за счёт «доходов от общества». Обозначая «двоякость доходов», автор, несомненно, предполагал возможность государственной поддержки своих заведений. В одном из черновых набросков обращения к Екатерине II И. Тревога пишет: «Ведаю, ваше императорское величество, что учреждение сего мною предполагаемого великознаменитаго училища великой суммы стоить будет. Но напротив же того можно со временем распространить знания во всей империи. Просветить совершенно своё отечество. Приобрести славу и похвалу всей России, и напоследок приумножить до нескольких миллионов государственной суммы» [2, л. 281].

Помимо указанных «храмов» автор списочным составом приводит три университета – «исторической, философической и поэтической»; девять академий – «истории священной о пророчествах, истории духовной, истории гражданской древней, истории гражданской нынешней, науки о Боге, науки о человеке, науки о натуре, стихотвор. духовнаго, стихотвор. светского»; тринадцать факультетов – «истории литературной, морали, математики, пневматологии, физики особливою, поэзии парабл.» и др. [2, л. 279].

Можно предположить, что данные заметки относятся к начальному этапу развития идеи И. Тревоги об образовании «Учёной области» или «области Знаний» в силу их краткости, тезисности и незавершённости. Несмотря на то что автор в данном случае не представил всю полноту видения данной проблемы, мы обнаруживаем в ней две составляющие – проект образования академических научных учреждений и систему высших учебных заведений.

Отдельным блоком в бумагах И. Тревоги выделяется проект «Учреждение Офира», который озаглавлен следующим образом: «Учреждение Офира» – два варианта и «Уложение Офир» [2, л. 339]. Они представляют из себя неоконченные наброски к одному проекту, которые взаимодополняют друг друга, однако же в них встречаются и некоторые противоречия.

О полноте замысла автора мы можем судить по двум вариантам представленных оглавлений. Один вариант включает в себя: I Примерный штат. II Чины. III Порядок определения в офир. IV О Гросмейстере. V О Совете полномочном. VI О типографии. VII О библиографии. VIII О библиотеке. IX О кунсткаморе. X О переводческом кабинете. XI О консулах офирских. XII О корреспондентах офирских. XIII О заседаниях. XIV О экзаменах. XV О награждениях. XVI О орденах».

Другой вариант более лаконичен и представлен лишь десятью пунктами: «I О принятии в службу. II О полномочном совете. III О Великом Гроссмейстере. IV О главном экономе. V О главном ценсоре. VI О ценсорах. VII О переводчиках. VIII О писцах. IX О корреспондентах. X О кавалерах офирских» [2, л. 342]. Несмотря на кажущиеся различия перед нами единый замысел одного проекта. Пунктам II, III, IV, V, X, XII первого варианта соответствуют пункты X, I, III, II, VII, IX второго. И лишь с определенной долей условности можно предположить, что И. Тревогой разрабатывались два варианта «Офира». Если сделать такое допущение, то к первому варианту относятся лишь краткие наброски, тогда как второй представлен более подробной проработкой и расширен текстуально.

В первом варианте автор определяет штат «Офира» в тысячу человек «особ обоего пола» [2, л. 342]. Во втором ничего не говорится о количественном составе, хотя отдельным пунктом прописано: «В Офирские кавалеры принимаются ученые особы обоего пола, то есть мужчины и женщины» [2, л. 336]. Однако в «Уложении Офир» никакого численного ограничения по приему во вновь учреждаемое заведение нет: «Числа Офирским кавалерам никогда не полагается, но принимается сколько способных и охотных к службе найдется» [2, л. 343 об.].

Управление «Офиром» должно было осуществляться «Гроссмейстером» при помощи «Полномочного совета», о которых написано в обоих вариантах. При этом изначально (?) предполагалось, что в «совет» войдут: «Великий Гроссмейстер, девять консулов Офира и несколько других особ» [2, л. 342]. Обязанности и полномочия совета и гроссмейстера лишь обозначены по тексту проекта, но не прописаны детально. Про консулов автор и вовсе больше не упоминает в данном конкретном случае.

По мысли И. Тревоги, «Офир» – «огромный дом, где будут собраны все науки, художества и ремесла...», – должен был располагаться в Харькове, «где места положения, климат, качество земли и воздуха украсит оной самую натуру». Целью данного заведения должно стать просвещение народов. Желаящие проявить «усердие к роду человеческому заслугами, трудами и разумом» [2, л. 343 об.] должны предъявить свидетельства об окончании какого-либо учебного заведения, обратиться с просьбой в «полномочный совет Офира» и внести 25 рублей, «которая сумма содержится для выстроения Офира» [2, л. 336].

Достаточно подробно автор прописывает процедуру принятия в сообщество новых членов. Претенденту необходимо было явиться на заседание «Полномочного совета», где «на него

на девают... одежду со крестом», затем он «чинит клятвенное обещание. По окончании коего целует прежде Книгу Уложения Офирского и потом целует весь Полномочный совет» [2, л. 337]. После этого новый «кавалер» обязан был передать в «законохранительницу запечатанный пакет с собственноручным описанием всея его жизни». Затем с него рисовали портрет для общей галереи членов «Офира», а чуть позже он «подписывает на общем Уложении свое имя». Вся эта процедура проводилась в один день. С этого времени «со дня учинения присяги считается та особа уже в службе и кавалерам офирским» [2, л. 337]. Сама присяга представлена следующим образом: «Клятвенное обещание. Я (имя Рек) клянусь всемогущим Богом при присутствии сего собрания, что вступаю в офирскую службу по вольному хотению из одного только усердия и любви ко всему человеческому роду, дабы разумом моим подать ему полезный совет, трудами же облегчить его работу, а попечением моим произвести общую тишину и благополучие во всем мире. При том обещаюся в первых почитать Великого офирского Гроссмейстера... любить и быть в непрерывной дружбе и союзе со всеми моими собратьями и быть послушным как Великому Гроссмейстеру Полномочному Совету и целому обществу так и Великому тому владельцу под покровительством коего весь Офир находится. Наконец клянусь еще, что буду по смерть мою стараться... изберегать офирскую сумму... приносить беспрерывными своими трудами пользу и доходы... сколько разум мой и долг будет требовать дабы в противном случае не отвечать мне пред Богом и пред целым светом. В заключение чего, целую всех моих собратьев и Офирское Уложение» [2, л. 336 об.]. Все это в достаточной мере напоминает масонские обряды [4]. Однако, в отличие от замкнутости всевозможных русских лож вольных каменщиков, И. Тревога пропагандировал всеоткрытость своего «Офира» для «особ ученого звания». Получение «степеней» он жестко привязывал к временным рамкам: «Кавалером офирским надобно быть всякой особе целый год Адъют-профессором служить 3 года, профессором же до Великого Гроссмейстера 6 лет, но как ему в сем чине надобно уже быть по выбору...» [2, л. 337 об.], что скорее напоминает «продвижение по службе» в военном и гражданском государственном ведомстве.

За труды во благо «человеческого рода» полагался целый ряд всевозможных «преимуществ»: освобождение от штрафов, налогов и долгов в пределах тысячи рублей; освобождение «от всей бедности»; освобождение от всевозможных наказаний и смертной казни, «если только та казнь или наказание не за смерто-

убийство следуют»; иметь возможность путешествовать по миру за счет «Офира». Данные привилегии полагались за сбор «по всему свету» научной, учебной, промышленной, торговой и политической информации. А «сверх сих... брать у сочинителей разные издания или какая изобретения для издания в свет и оныя присылать...» [2, л. 338]. За добросовестное исполнение обязанностей полагались «ордены» и полный пенсион.

По сути дела перед нами предстает подвладомственное государству учреждение с широкой внутренней автономией управления и определения целей и задач своей деятельности. Примечателен тот факт, что его члены выводились из-под юрисдикции полицейских и судебных инстанций, за исключением тяжких преступлений. Подчиняя себя посредством клятвы «Великому Гроссмейстеру», «Полномочному Совету» и «Великому владетелю» – покровителю, человек отделял себя от общегосударственных законов и распоряжений правительства. Данный проект, в случае его реализации, привел бы к появлению в российском обществе широкой социальной группы, которая в силу своего умения, желания и добросовестности исполняла бы то, что находило нужным и полезным для «тишины и благополучия во всем мире» за счет российской казны.

Проект «Учреждение Офира», вероятно всего, был сочинен И. Тревогой в начале 1783 года. Можно предположить, что побудительной причиной активизации творческой инициативы автора послужили назначение Е. Дашковой директором Санкт-Петербургской академии наук и подготовительные мероприятия по образованию Российской академии, которая была открыта согласно высочайшему указу от 30 сентября 1783 года, а учредительное собрание состоялось 21 октября того же года [5].

Подтверждение этому мы находим в черновике обращения И. Тревоги к императрице Екатерине II с предложением основать «Храм Знаний»: «...сие сочинение подаст какойнибудь пример к присоединению чегонибудь к новоучреждаемой академии...» [2, л. 281 об.].

Однако вполне допустимо, что идея учреждения «Офира» зародилась у автора в бытность его в 1782 году в Санкт-Петербурге, где недолговечный ученик Харьковского народного

училища предпринял попытку наладить издание своего журнала «Парнаские ведомости». Вращаясь в столичных литературно-издательских кругах, И. Тревога вполне мог получить обильную информацию и о планируемых нововведениях Екатерины II, и о русских масонах, деятельность которых в это время, по мнению В.Н. Тукалевского, особо активизировалась [6].

И все-таки основной побудительной причиной составления своих проектов И. Тревога указывает политику Екатерины II: «все концы вселенныя, в которыя пронесся слух о твоих великих делах славят уже твое бессмертное имя и похваляют твои премудрыя действия, чтут не однократно уставу корпусов юношеских, твердят каждая строфы твоего премудроизвестнейшаго наказа. Стекаются видеть [твое] расположение наместничеств, учреждения сыропытательных домов, установление и распространение купечества, наук, художеств и ремесл. Завидуют твоим учреждениям благочиния, ординов и других» [2, л. 319].

Примечание

1. В бумагах И. Тревоги есть нарисованный карандашом портрет молодого человека. М.Д. Кумрачева определяет его как автопортрет. Не его ли он собирался сдать в «законохранительницу»? [7]

Список литературы

1. Светлов Л.Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М.: АН СССР, 1961. Т. XX. Вып. 4. С. 326.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631.
3. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. С. 56–57.
4. Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Массонство. Репринтное воспроизведение издания 1915 г. Т. II. М.: ИКПА, 1991. С. 80–117.
5. Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской академии). Л., 1986. С. 18–20.
6. Тукалевский В.Н. Н.И. Новиков и И.Г. Шварц // Массонство. Репринтное воспроизведение издания 1914 года. Т. I. М.: ИКПА, 1991. С. 204 и след.
7. Кумрачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX века). М.: Наука, 1983. С. 227.

UTOPIAN PROJECTS BY IVAN TREVOGA

R.V. Kaurkin

The article examines Ivan Trevoga's utopian projects concerning the establishment of academic scientific institutions and a system of higher education institutions in Russia that he was going to propose to the Empress Katherine II. The author concludes that if these projects had been realized, there would appear a wide social group of scholars in Russia.

Keywords: 18th century, Russia, Ivan Trevoga, utopian projects, creation of academic scientific institutions, system of higher educational institutions, «temple of friendship», «temple of knowledge», «region of learning», «Ofir».